

УДК 81'42

СМЫСЛОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЛИРОПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА КАК ПРОБЛЕМА КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВОПОЭТИКИ¹

Е. Г. Озерова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
Ozerova @bsu.edu.ru*

В статье рассматривается смысловое содержание поэтической прозы через призму обращения к религиозным и духовно-нравственным сторонам человеческого чувства, что позволяет определить когнитивно-культурологическую специфику как проблему лингвопоэтики, обладающую интегративным замыслом, который раскрывается в эготопе – организующем центре лингвопоэтического повествования.

Ключевые слова: поэтическая проза, смысловое содержание, эготоп.

В основе рассмотрения поставленной в названии статьи проблемы лежит понятие «смысл». С одной стороны, оно воспринимается почти обыденно, когда говорят, например, о смысле жизни или когда с целью уточнения спрашивают: «В каком смысле? Что вы имеете в виду?». С другой стороны, это понятие имеет неоднозначную научную трактовку (Е. К. Войшвилло, Й. Домбровский, Л. М. Васильев). Достаточно тонкими гранями оно соприкасается с такими научными конструктами, как «понятие», «концепт» и «значение».

Понятие и смысл, являясь однопорядковыми по своей сути явлениями, различаются степенью абстракции: смысл – это более абстрактный конструкт уже потому, что понятие отражает существенное, главное в самом предмете, а смысл – разнообразные связи между сторонами как одного предмета или действия, так и между отдельными предметами объективного мира. Для смысла нужна предикация, формирующая классы понятий.

Ух, матушка святая Русь (Н. С. Лесков, «На ножах»).

Но на Руси испокон веку почитается та красота, которая украшается душой (В. Распутин, «Новая профессия»).

Велика матушка-Русь! (В. Шукшин, «Печки-лавочки»).

Русь моя... жизнь моя... долго ль нам маяться? ...(А. Солженицын, «В круте первом»).

Великая, светлая, чистая помыслами – Русь (В. Крупин, Выбранные места из дневников 70-х гг.).

В каждом из приведённых речевых контекстов понятие «Русь» подвергается следующим смысловым вариациям.

Русь – святая – ‘оплот христианской веры’.

Русь – красота – ‘русская икона, церковное зодчество, красота богослужения; стремление к добру как высшему благу’.

Русь – матушка – ‘забота о русском народе’.

Русь – жизнь – ‘деятельность, совершаемая с молитвой; мучения, которые сделали Русь святой’.

Русь – великая, светлая, чистая – ‘служение идеалам добра, нравственности и справедливости’.

В таких контекстах происходит «реинкарнация» тех смыслов, из которых, собственно и возникло когда-то понятие «Русь». В связи с этим выскажем отличительную от устоявшихся канонов лингвопоэтики мысль: контексты не реализуют значения слов. Они являются условием их объективации.

¹ Опубликовано в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы по Госконтракту П 1306.

Смысл отличается от значения тем, что он целостен, имеет «отношение к ценности — к истине, красоте и т. п.». Смысл не существует без «ответного понимания, включающего в себя оценку» [1, с. 322]. Смысл всегда кто-то открывает, находит, распознает. Смысл подразумевает наличие воспринимающего сознания и его носителей: конкретных деятелей, коммуникантов. *Этим смысл отличается от понятия.*

Необходимость сосредоточения внимания на стадиях формирования понятия обуславливается тем, что выделенные в познаваемом объекте свойства и признаки становятся элементарными смыслами значений (семами) тех языковых знаков, при помощи которых закрепляются в нашем сознании предметы познания и отношения между ними. На этом основании делаются выводы о механизме «формирования понятия в тех или иных языковых формах». Они, по мнению Н. Н. Болдырева, «составляют смысл соответствующих языковых выражений» [2, с. 16].

С появлением когнитивной лингвистики возникла необходимость выяснить соотношение смысла, значения и концепта. Ролан Барт, например, считает их тремя самостоятельными элементами семиологической системы, которые, однако, тесно между собой связаны. Так, «третий элемент семиологической системы (значение) представляет собой не что иное, как результат соединения двух первых элементов» [3, с. 46]. Ему придаёт автор особую роль в любом семантическом исследовании, поскольку только он дан для непосредственного наблюдения и восприятия: соединение смысла с концептом образует значение.

В концепт впитывается не сама реальность, а скорее определенные представления о ней, при переходе от смысла к слову (знаку) образ теряет какое-то количество знаний, но зато вбирает в себя знания, содержащиеся в концепте. На самом деле, представления, заключенные в мифологическом концепте, являются смутным знанием, сформировавшимся на основе слабых, нечетких ассоциаций. Барт Р. настоятельно подчеркивает открытый характер концепта; это никоим образом не абстрактная, стерильная сущность, а скорее конденсат неоформившихся, неустойчивых, туманных ассоциаций; их единство и когерентность зависят, прежде всего, от функции концепта.

В свете сказанного, считаем необходимым сформировать в лингвопоэтике и представление о смысловом содержании поэтической прозы, которое «обуславливается внелингвистическим контекстом, связанным с речемыслительной деятельностью и коммуникацией» [4, с. 288]. Если отталкиваться от наиболее известных подходов к пониманию смыслового содержания, то можно получить три варианта осмысления сущности смыслового содержания текста, созданного в жанре поэтической прозы.

1. Если смысл текста сводить к денотации, то его смысловое содержание будет представлять собой иерархия тем и подтем (аспект семантики текста). При этом тема связывается непосредственно с коммуникативной сущностью произведения как целого.

2. Смысловое содержание текста – иерархия коммуникативных программ: предикаций первого, второго и т. д. порядков передачи авторского замысла.

3. Смысловое содержание текста – многоуровневая структура, обусловленная рядом экстралингвистических факторов.

С коммуникативно-прагматической точки зрения «тема есть некоторая установка, которой подчинены все элементы произведения, некоторая интенция, реализуемая в тексте». При таком подходе тема связывается со смысловой целостностью текста, которая может быть названа «семантическим пространством текста». Тема и подтема в такой интерпретации оказывается своеобразным «семантически концептом текста», представляющим в силу своей «глобальной когерентности» «макропропозицию текста» см.: [5; 6, с. 117 – 126]. В первом варианте тема, интерпретируемая в аспекте смысловой целостности текста, представляет собой (1) ментальное, интеллектуальное образование, концентрация и абстрагированное содержание текста, которое (2) реализуется через иерархию его частных тем.

Итак, концепт – это динамическая когнитивная модель, отображающая структуру смысла в сознании индивида. Смысл – соотносимое с определённой реальностью мен-

тальное содержание, связывающее когнитивное и языковое сознание. Отсюда вытекает основополагающий для нашей концепции вывод: концепт, смысл и значение – это разные уровни смыслового содержания текста поэтической прозы, благодаря которым возможно видение ценностно-смысловой панорамы текста. Такого рода панорама реконструирует картину мира как действительность и раскрывает образы культурной памяти как интерпретирующую категорию когнитивной лингвопоэтики. В достоверности нашего утверждения убеждает общая схема генетической связи концепта и внутренней формы слова.

Напряжение, возникающее между внутренней формой слова и его основным значением поддерживается импликационалом художественного концепта, который одновременно содержит:

- а) «общую идею» некоего ряда явлений в понимании определенной эпохи;
- б) этимологические смыслы, сохраняющиеся во внутренней форме слова.

Такого рода этимологические смыслы «подсказывают» языковому сознанию, каким образом происходит зарождение общей идеи во множестве единичных явлений, обозначаемых в текстах поэтической прозы разными словами.

В наших рассуждениях художественный концепт – одновременно и индивидуальное представление и общность. Такое понимание художественного концепта сближает его с художественным образом, заключающим в себе обобщающие и конкретно-чувственные моменты. Смысловое колебание между понятийным и чувственно-образными полюсами делает художественный концепт гибкой, универсальной структурой, способной реализовываться в дискурсах разного типа.

Смысловое содержание лиропрозаического текста является многоуровневым. В нём раскрываются интенции эготопа в соотнесении с экстралингвистическими знаниями, вербализованными имплицитными смысловыми вариациями, которые раскрывают макроконтекст как контекст культуры и микроконтекст как контекст конкретного образа. Именно в совокупности этих компонентов раскрывается смысловое содержание поэтической прозы. Ср.: 1) *Подсолнечники над плетнями и рвами, и соломенный навес чисто вымазанной хаты, и миловидное, красным ободком окружённое окошко... Ты, древний корень Руси, где сердечней чувство и нежней славянская природа!* (И. А. Бунин, «Жизнь Арсеньева»); 2) *Русь Твоей Милостью, Господи, рождает дивную красоту* (В. Распутин, «Новая профессия»).

Для русской поэтической прозы концепт *Русь* является базовым.

В Большом словаре крылатых слов русского языка зафиксирована фраза, которой раскрывается загадочность и непостижимость России [7, с. 432]: *Русь, куда ж несёшься ты? Дай ответ. Не даёт ответа.*

Для понимания смыслового содержания поэтической прозы представляет интерес не только крылатое выражение, но и весь лиропрозаический контекст:

Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несёшься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, всё отстаёт и остаётся позади. Остановился поражённый божьим чудом созерцатель...

Русь, куда ж несёшься ты? Дай ответ. Не даёт ответа. Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо всё что ни есть на земли, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства (Н. В. Гоголь, «Мёртвые души»).

В приведённом примере концепт «Русь» наполняется такими смыслами:

1. *Русь* – ‘**божье чудо**’;

2. *Русь* – ‘**величие державы**’;

3. *Русь* – ‘**передовая страна, указывающая путь другим народам и государствам**’. Следует подчеркнуть, что такая интерпретация имеет и добавочные смыслы: избранность здесь понимается не как противопоставление другим народам, а как особая миссия духовного совершенства.

Именно вариация и интерпретация смыслов составляет целостную лингвопоэтическую структуру текста. Смыслы высказываний и смысл текста, отмечает

Г. В. Колшанский, «представляют собой единство и цельность, в рамках которого семантика отдельных языковых единиц составляет лишь часть этого целого. Семантическая дискретность текста есть его смысловое структурирование, а не сумма отдельных значений единиц... Элементарные значения отдельных единиц есть результат структурирования тотального смысла высказывания (текста)» [8, с. 55].

Помню крещенские морозы, наводившие мысль на глубокую древнюю Русь, на те стужи, от которых «земля на сажень трескалась», тогда над бело-снежным городом, совершенно потонувшим в сугробах, по ночам грозно горело на чёрно-воронёном небе белое созвездие Ориона... (И. Бунин, «Жизнь Арсеньева»).

Необыкновенно приятно смотреть на мелькающий в воздухе снег: настоящей Русью пахнет! (И. А. Бунин, «Новая дорога»).

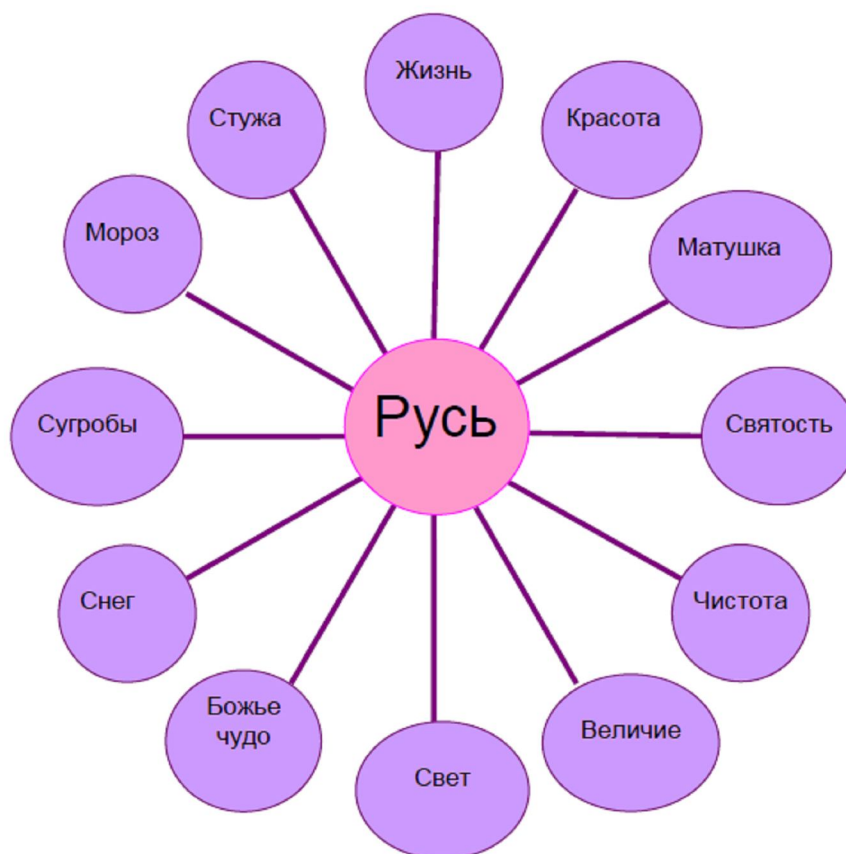
Авторские смыслы в текстах поэтической прозы репрезентируют языковую личность автора, выявляют панораму смысловых вариаций, например, в приведённых контекстах *Русь* раскрывается через концепты *Крещенские морозы*, *Стужа*, *Сугробы*, *Снег*, но внутренняя форма здесь «представляет собой сутубо индивидуальный способ, посредством которого народ выражает в языке мысли и чувства. Она не подлежит строгому чёткому определению и в этом смысле она абстрактна, но проявляется в каждом акте речи, и в этом смысле она конкретна» [9, с. 59]. Внутренняя форма слова есть «отношение содержания мысли к сознанию», то есть именно она показывает, «как представляется человеку его собственная мысль» [10: 98].

Чуть не десять лет тому назад поставил я эпиграфом к своим рассказам о народе, о его душе слова Ивана Аксакова: «Не прошла ещё Древняя Русь!» Правильно поставил (И. А. Бунин, «Окаянные дни»).

Размышляя о внутренней форме языка в интерпретации В. Гумбольдта, Г. Г. Шпет приходит к выводу, что без внутренней формы нет не столько слова, сколько его значения, то есть осмысленного слова. Сфера внутренних форм и сфера значений взаимно покрывается, но формы и значения не составляют одного и того же. Благодаря форме происходит понимание, а значение – суть само понимаемое, и именно в этом синтезе они составляют единое. *Понятие*, как средство понимания, не есть значение в собственном смысле, а есть *оформленное* значение. «Внутренняя форма слова», как понятие, не есть само значение, а некоторое *отношение* между терминами в корреляции: *слово – значение*. Рассматривая, как воспринимается слово, значение и концепт, Д. С. Лихачёв указывает на роль человека, который формирует смысловое содержание, и приходит к выводу: «потенциал концепта тем шире и богаче, чем шире и богаче культурный опыт человека» [11, с. 151]. У каждого человека, отмечает автор, свой, индивидуальный культурный опыт, запас знаний (памяти, ассоциаций Е. О.), которыми определяется богатство значений слова и богатство концептов этих значений [11, с. 151]. Значение слова, указывает Л. С. Выготский, есть феномен мышления лишь в той мере, в какой мысль связана со словом и воплощена в слове, и обратно: оно есть феномен речи лишь в той мере, в какой речь связана с мыслью и освещена ее светом. Оно есть феномен словесной мысли или осмысленного слова, оно есть единство слова и мысли [12, с. 277]. В слове, указывает А. Белый в статье «Магия слова», заключено первородное творчество; «слово связывает бессловесный, незримый мир, который роится в подсознательной глубине моего личного сознания с бессловесным, бессмысленным миром, который роится вне моей личности. Слово создаёт новый, третий мир – мир звуковых символов, посредством которого освещаются тайны вне меня положенного мира, как и тайны мира, внутри меня заключённые» [13, с. 131]. Слово в поэтической прозе, извлечённое из авторского сознания, наполненное индивидуальными смыслами и создаёт тот третий мир, раскрывающий тайны действительности, «внутри меня заключённые. Процесс передачи художественной информации, отмечает Ю. М. Лотман, двойствен. «В истоке его – то, что можно назвать смысловым взрывом: нечто, доселе неизвестное, при яркой вспышке неожиданного и непредсказуемого смещения делается ясным и очевидным. Затем наступает превращение взрыва в

текст, который передаётся аудитории. Таким образом, культура включает в себя непрерывный динамический процесс, смысловое возрождение и перерождение. Механизм его и есть искусство» [14, с. 103]. В системе смыслопорождающих механизмов поэтическая проза занимает особое место, своеобразие которой заключается в том, что концептуальные лакуны здесь имеют бесконечные смысловые вариации, которые связаны с отражением эго-восприятия действительности, так как в фокусе внимания текстов поэтической прозы находится человек – носитель мыслей и чувств культурного универсума. А культурные смыслы ментальных объектов, проникая во внутренний мир человека, формируют авторские, личностные смыслы, именно поэтому каждый из авторов поэтической прозы создаёт свой, собственный мир смыслов, репрезентирующий ценностно-смысловую сущность произведений этого жанра.

Смысл, подчёркивает Н. Ф. Алефиренко, – категория личностная, ситуативная; смысл подвижен и изменчив от эпохи к эпохе, от человека к человеку, от текста к тексту. Значение – категория общественная, стабильная, постоянная часть содержания языкового знака. Носителями смысла являются не только языковые формы, но и другие составляющие речепорождающего процесса (мотив, коммуникативное намерение, замысел, внутреннее программирование – смысловое синтаксирование, субъектно-предикативно-объектные отношения и ситуация общения). См.: [15, с. 221].

Смысловое содержание поэтической прозы составляют смыслы человеческой жизни. В монографии «Культура как система» А. А. Пелипенко и И. Г. Яковенко отмечают, что законы смыслообразования и оформления, закрепления и трансляции смыслов есть первичное основание всех бесчисленных феноменов, совокупно образующих культурный универсум. См.: [16, с. 81].

И глубокая тишина вечера, степи, глухой Руси царила надо всем (И. А. Бунин, «Суходол»).

Русь, древняя Русь! И слёзы радости и силы, искажающей всякую картину до противоестественных размеров, застилали глаза...

Вспомнил отца, детство... «Русь, Русь! Куда мчишься ты?» (И. А. Бунин, «Деревня»).

Смысловое содержание поэтической прозы зиждется на синтезе индивидуального и универсального. «Русь, создавшая замечательное зодчество (к тому же чрезвычайно разнообразное по своим стилевым особенностям), высокую хоровую музыку, красивейшую церковную обрядность, сохранившую ценнейшие реликты религиозной древности, прославленные фрески и иконы, но не знавшая университетской науки, представляла собой просто особый тип культуры с высокой религиозной и художественной практикой» [17, с. 4].

Для Руси традиционным было жизнь духа ценить выше жизни тела (И. Архипова, «Музыка жизни»).

В Большом словаре крылатых слов и выражений авторы определяют сочетание **Русь уходящая** как символ русской старины, дореволюционных сословий России, сметённых революцией, гражданской войной и репрессиями 1930-х годов. Данное толкование вытекает из информации об источнике крылатого выражения: Название картины известного русского художника П. Корина, на которой он пытался запечатлеть исчезающую духовность России. Сам автор рассматривал своё произведение как реквием по русскому православию. На полотне изображены знаменитые иерархи русской церкви, простые священники, монахи [7, с. 432].

В пространстве поэтической прозы все формы представления являются «модулями духовного образования», знаками, репрезентирующими нравственное самосовершенствование человека [15, с. 63].

В поэтической прозе смысловое содержание отражено во всей культурной эпохе, в которой, по мнению Ю. М. Лотмана, отражается синтез факта и смысла, а «понять смысл, значит понять язык» [14, с. 28]: *А вечером – в синих прорезах сорока колоколен качнутся разом все колокола, и над городом, над рощами, над водой, над полями, над странниками на дорогах, над богачами и пропойцами, над грешными по-человечьи и по-травяному безгрешными – над всеми расстелется колокольный медный бархат, и всё умягчится, затихнет, осядет – как в летний вечер пыль от тёплой росы* (Е. Замятин, «Русь»).

Смысловое содержание поэтической прозы пронизано духовной жизнью народа, тесно переплетено с духовным развитием человечества и сопутствует ему на каждой ступени его локального прогресса или регресса, отражая в себе каждую стадию культуры [9, с. 48]. В центре смыслового содержания поэтической прозы сосредоточена православная, духовная, нравственно-чувственная картина мира, вербализованная в фокусе эгогопа, вот почему она проникнута духовной синергией. Декан Свято-Владимирской Духовной семинарии протопресвитер Александр Шмеман в работе «Почитание Божией Матери», размышляя о духовном значении праздников Церкви, подчёркивает: «даже названия праздников – Введение во храм, Рождество, Богоявление, Сретение, Преображение – даже эти слова своей торжественностью, инаковостью по отношению к действительности, таинственной красотой своей о чём-то напоминали... Праздник – это был как бы вздох человека о какой-то утраченной, но манящей красоте...» [18, с. 18].

Ключевые события действительности в произведениях поэтической прозы сконцентрированы на церковных праздниках, и это не случайно: каждый день календарного года посвящается какому-либо священному событию, празднованию памяти святых или прославлению чудотворных икон Пресвятой Богородицы.

Праздник! Святое слово... Как бы мы, верующие, жили здесь без этих праздников, как бы пуста и безотраднa показалась нам жизнь, посреди всей её суеты!

Русский человек всю свою жизнь, всё своё рабочее время привык измерять по праздникам церковным. Русская душа отдыхает и радуется в церковный праздник, и благо тому, кого благочестивые родители с детства приучили чтить праздник, с радостным чувством ждать его и услаждаться его освящающею и возвышающею силой.

... праздник сам собою постепенно вступает в душу, озаряя её тихим светом благодати... (К. П. Победоносцев, «Праздники»).

В лирическом повествовании божественное описано через призму человеческого, через призму сознания и восприятия эго и эпохи, в которую творили авторы поэтической прозы.

Толковый словарь библейских выражений и слов приводит следующее значение:

Святая Русь. Россия как совокупность её святынь, средоточие святости [19, с. 411].

Под куполами с крестами проходила вся жизнь на Руси. А само понятие «Святая Русь» – это не что иное, как **идеал**, потому что на Руси главенствующей идеей, самым важным, значительным была **духовная жизнь**.

Духовные ценности раскрываются в возвышенных ракурсах («Русь – идеал»), так как целью жизни в текстах поэтической прозы является совершенствование и преобразование души.

Анализируя религиозную лексику, К. А. Тимофеев приходит к выводу, что слова *дух*, *душа* обозначали нечто, подобное воздуху, нечто материальное, но очень лёгкое, похожее на пар или дым. Возможно, предполагает автор, такое представление о жизненном начале человека возникло в результате наблюдений над умирающими людьми: с последним вздохом/выдохом уходит жизнь, поэтому душа и олицетворяет то, что похоже на этот выдыхаемый воздух. Постепенно меняется взгляд на природу духовного начала человека, в настоящее время словари дефинируют лексему *душа* как нематериальную сущность, относящуюся к духовному. Ср.:

Душа радуется посту!

На душе у меня радостное и тихое, и хочется почему-то плакать (И. С. Шмелев, «Лето Господне»).

Сад через стёкла – разноцветный: и синий, и золотой, и алый.. и так-то радостно на душе, словно мы в рай попали (И. С. Шмелев, «Богомолье»).

Вишня цветёт – душа радуется; яблоня в розовом цвете – любо глядеть (Б. Екимов, «Память лета»).

Недалёко ходить, найдутся люди, что постом и молитвой низведут на тебя и на весь дом твой божие благословение, умолят о вечном спасении души твоей (П. И. Мельников-Печерский, «В лесах»).

В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова находим следующие значения, характерные для поэтической прозы.

Душа – 1. Внутренний, психический мир человека, его сознание **Душа радуется, на душе радостно.**

2. В религиозных представлениях: сверхъестественное, нематериальное бессмертное в человеке, продолжающее жить после его смерти **Бессмертная душа, думать о спасении души.**

В книге «Смысл творчества» Н. А. Бердяев, цитируя Брамана Чаттерджи, отмечает: наше человеческое самосознание сольётся с нашим божественным Его, которое и есть истинная бессмертная душа человека [20, с. 397].

Поскольку внутренний мир человека моделируется по образцу внешнего, материального мира, отмечает Н. Д. Арутюнова, основным источником психологической лексики является лексика, используемая во вторичных, метафорических смыслах.

«Отбор предикатов для сообщений о психической сфере обычно диктуется тем общим образным рядом, на основе которого воссоздаётся духовная жизнь людей» [21, с. 387].

Глаза человека – это есть вывеска души (Н. С. Лесков, «Заячий ремиз»).

Я беззаветно предал всю мою душу моей матери, небесный образ которой безвыходно живёт в моей душе.

Схоронила на дне души всю безмерную материнскую скорбь (Н. С. Лесков, «Детские годы»).

В душе что-то болталось туда и сюда (Н. С. Лесков, «Зимний день»).

Его стала любить моя душа за искренние порывы, свидетельствующие о несомненном благородстве его природы (Н. С. Лесков, «Чертовы куклы»).

Смысловое содержание поэтической прозы через призму обращения к религиозным и духовно-нравственным сторонам человеческого чувства позволяет определить когнитивно-культурологическую специфику произведений как проблему лингвопоэтики, обладающую интегративным замыслом, который раскрывается в эго-топе – организующем центре лингвопоэтического повествования, являющимся «фокусом целого текста» [22, с. 59]. Контексты поэтической прозы не создают какие-то особые значения слов, они являются условием их объективации, а своеобразие порождения смыслов зависит от характера концептуальных лакун, формирующих авторское ценностно-смысловое содержание лиропоэтического текста.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Изд. 2-е / Сост. С. Г. Бочаров. – М.: Искусство, 1986. – С. 322.
2. Болдырев Н. Н. Концептуальные структуры и языковые значения // Филология и культура. Материалы международной конференции 12 – 14 мая 1999 г. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 1999. – С. 62 – 69.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Изд. Группа «Прогресс», «Универс», 1989. – 615 с.
4. Баженова Е. А., Котюрова, М. П. Смысловая структура (смысл) текста // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 388 – 391.
5. Москальская О. И. Грамматика текста – М.: Высшая школа, 1981. – 183 с.
6. Черняховская Л. А. Смысловая структура текста и ее единицы // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 117 – 126.
7. Берков В. П. Большой словарь крылатых слов русского языка. – М.: АСТ, Астрель, Русские словари, 2005. – 623 с.
8. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. – М.: Наука, 1980. – 149 с.
9. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Наука, 1984. – 400 с.
10. Потебня А. А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.
11. Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. В. П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 280 – 287.
12. Выготский Л.С. Мышление и речь. Изд. 5. – М.: Издательство «Лабиринт», 1999. – 352 с.
13. Белый А. Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994. – 528 с.
14. Лотман Ю. М. Непредсказуемые механизмы культуры. – Таллинн: TLU Press, 2010. – 232 с.
15. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
16. Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 376 с.
17. Лихачёв Д. С. О русской интеллигенции // Новый мир. – 1993. – № 2. – С. 3 – 9.
18. Шмеман А. Православные праздники. – Кострома: Авенир-Дизайн, 2002. – 392 с.
19. Мокшенко В. М. Толковый словарь библейских выражений и слов. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 639 с.

20. Бердяев Н. А. Смысл творчества. – М.: АСТ, 2010. – 416 с.
21. Арутюнова Н. Д. Образ (опыт концептуального анализа) // Референция и проблемы текстообразования. – М.: Наука, 1988. – С. 117 – 129.
22. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.

MEANING CONTENT OF LINGUOPOETIC TEXT AS A PROBLEM OF COGNITIVE LINGUOPOETICS

E. G. Ozerova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Ozerova @bsu.edu.ru*

The article considers the meaning content of poetic prose through the prism of religious and spiritual-moral sides of human feelings. That helps one define the cognitive-culturological peculiarity as a problem of linguopoetics which has an integrative intention revealed in egotope – the centre of linguopoetic narration.

Key words: poetic prose, meaning content, egotope.